

ли написаны новые истории России (Миллер, Эмин, Елагин, Щербатов, Болтин) и издана старая, Татищева. Развернулась широкая деятельность по публикации источников; один из наиболее ярких ее эпизодов — издание Новиковым «Древней Российской Вивлиофики». Екатерина II напечатала свои «Записки касательно российской истории». При этом она занималась «этимологией», которая должна была доказать древность русского языка.

В свою очередь изучение русской истории пробудило интерес к фольклору. Попов, Богданович, Новиков, Барсов подготовили сборники русских пословиц. Чулков напечатал «Собрание русских песен» и «Словарь русских суеверий». В результате возникло то явление, которое В. Б. Шкловский назвал «русской мифологией». «Русские сказки» Левшина,

как и произведения Попова или Чулкова, должны были дополнять исторические труды Екатерины и ее сотрудников. Более простые и доступные, рассчитанные на гораздо более широкую аудиторию, они, по сути, выполняли ту же задачу: создать новый образ отечественной истории, который базировался на идее незабываемости и изначальности самодержавия.

Опыт создания «русской мифологии», соединявшей идею абсолютизма с идеей самодостаточности и полноты русской культурной традиции, оказал сильнейшее влияние на литературу последней трети XVIII — первой трети XIX вв. Богданович, Державин, В. П. Петров, М. М. Херасков, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин создали поэтический «вариант» государственной идеи Екатерины.

Ломоносов и русская культура XVIII века: заметки к теме

Д. П. Ивинский

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

— Проблема описания литературного процесса и исследовательские мифы:

- «классицизм» и «барокко»;
- Ломоносов и «сумароковская школа»;
- Ломоносов и «школа разума».

— Идеи подражания и соперничества: варианты интерпретации.

- Ломоносов и придворная культура: от «умеренного» аннинского к «пышному» екатерининскому стилю.
- Похвальная ода как образ культуры.

Наименования глагольных классов в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова Н. В. Карева

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

М. В. Ломоносов, историческое терминоведение

Summary. The paper is devoted to analysis of genetic sources of the terminology used by M. V. Lomonosov for the nomination of verbal classes in his «Russian grammar» (1755).

Глагол и имя рассмотрены в «Российской грамматике» как наиболее значимые грамматические категории: имена соотношены с субъектом суждения, а глаголы с предикатом. При этом М. В. Ломоносов отметил, что глаголы часто образуются от имен — такие глаголы названы им *отыменными глаголами*. Прилагательное *отыменной*, использованное ученым для создания наименования, было заимствовано из церковнославянских грамматик: Л. Зизаний и М. Смотрицкий выделяли шесть «образов имен вида производного», в том числе *отыменной образ*.

М. В. Ломоносов планировал написать раздел о глагольной деривации: «Материалы к „Российской грамматике“» содержат попытки объединить приставочные глаголы в структурно-семантические классы. В наиболее ранних подготовительных записях он использовал латинские наименования и выделил *verba inceptiva*, *verba desitiva*, *verba augmentativa*, *verba solutiva*, *verba acquisitiva*. В более поздних материалах М. В. Ломоносов употребил русские наименования: *учащательный глагол*, *начинательный глагол*, *увеличительный (увеличивательный) глагол*, *умалительный глагол*, *кончателный глагол*, *умножительный глагол*, *удовольственный (удовольствовательный) глагол*. Наименования *учащательный глагол* и *начинательный глагол* были заимствованы им из грамматики М. Смотрицкого; наименование *умалительный глагол* — из грамматики М. Шванвица (1730 г.). Остальные наименования явились новациями М. В. Ломоносова. В окончательном варианте «Российской грамматики» М. В. Ломоносов отказался от выделения структурно-семантических глагольных классов, так как выделяемые значения не имели в русском языке постоянного набора морфологических показателей.

Однако интерес к процессам, связывающим мотивирующие слова с производными, привел М. В. Ломоносова к разработке классификации глаголов в зависимости от способов словообразования. В восточнославянских грамматиках структурные различия слов описывались с помощью категорий *начертание* (восх. к греч. *σχῆμα*, лат. *figura*) и *вид* (восх. к греч. *εἶδος*, лат. *qualitas*); различалось два *вида* слов всех частей речи — *первообразный* и *производный*. В «Россий-

ской грамматики» М. В. Ломоносов отказался от категорий *вид* и *начертание*, однако в соответствии с принципами М. Смотрицкого разделил глаголы на *первообразные* и *производные*, с одной стороны, и на *простые* и *сложные* — с другой. *Сложные глаголы*, меняющие спряжение в процессе формообразования, были названы им *сложными преходящими глаголами*, глаголы, не меняющие спряжения — *сложными постоянными глаголами*.

В зависимости от способности к формообразованию М. В. Ломоносов разделил глаголы на *полные*, *неполные* и *изобилующие* (в подготовительных материалах он использовал латинские термины *abundans* и *defectivum*). Наименование *изобилующий глагол* является семантической новацией автора «Российской грамматики» при заимствовании формы наименования из грамматики М. Смотрицкого. В грамматиках академической традиции для передачи латинского термина *verbum defectivum* и французского *verbe defectueux* использовалось наименование *недостаточный глагол*. В русском языке XVIII века прилагательные *достаточный* и *недостаточный* имели значение «имеющийся» / «не имеющийся в нужном, необходимом количестве, мере» [СлРЯ XVIII в., 6: 230; 14: 172]. М. В. Ломоносов отказался от наименования *недостаточный глагол* и для создания новых наименований использовал прилагательные *полный* и *неполный*, употреблявшиеся в русском языке XVIII века в значении «содержащий» / «не содержащий полного комплекта, состава чего-либо» (СлРЯ XVIII в., 14: 269).

В «Российской грамматике» глаголы были также разделены на *правильные* и *неправильные* в соответствии с особенностями спряжения. Наименования *правильный глагол* и *неправильный глагол*, калькирующие латинские *verbum regulare* и *verbum irregulare*, к 1750-м годам уже вошли в узуз русских филологов — они зафиксированы в грамматиках М. Шванвица (1745), В. И. Лебедева, В. Е. Теплова.

В зависимости от выраженности грамматической категории лица М. В. Ломоносов разделил глаголы на *личные* и *безличные* — в середине XVIII века эти наименования, калькирующие латинские *verbum personale* и *verbum impersonale*, активно использовались русскими грамматистами. Они за-

фиксированы в грамматиках М. Смотрицкого, М. Шванвица (1745), В. И. Лебедева, В. Е. Теплова.

Особое внимание в «Российской грамматике» было уделено вспомогательным глаголам. В грамматиках церковнославянского языка вспомогательные глаголы не выделялись как самостоятельный класс, а в написанных по-русски грамматиках французского и немецкого языков 1740–1750-х годов для передачи латинского термина *verbum auxiliare* и французского *verbe auxiliaire* использовалось наименование *помогающий глагол*. М. В. Ломоносов отказался от наименования *помогающий глагол* и для обозначения глаголов *быть* и *стать* создал несколько собственных наименований, конкурирующих в его грамматических сочинениях. В подготовительных материалах он использовал наименование *способствующий глагол*, а в окончательном тексте «Российской грамматики» — наименования *вспомогательный* или *спомогательный глагол*.

Таким образом, для обозначения глагольных классов М. В. Ломоносов создал ряды одноструктурных производных наименований. Производные наименования М. В. Ломоносова 1) были созданы путем заимствования терминов или терминологических элементов из грамматик церковнославянского языка (*отыменной глагол*, *учащательный глагол*, *начинающий глагол*, *первообразный глагол*, *производный глагол*, *простой глагол*, *сложенный глагол*, *личный глагол*, *безлич-*

ный глагол); 2) были заимствованы из грамматик немецкого, латинского, французского языков, подготовленных в Академии наук в 1730–1750-е годы (*умалительный глагол*, *правильный глагол*, *неправильный глагол*); 3) были созданы в результате калькирования латинских терминов (*увеличительный глагол*, *умножительный глагол*); 4) были созданы М. В. Ломоносовым на базе слов русского языка XVIII века (*удовольственный глагол*, *полный глагол*, *неполный глагол*, *способствующий глагол*, *вспомогательный глагол*).

Источники

Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, науч. коммент. Е. А. Кузьминой; предисл. Е. А. Кузьминой, М. Л. Ремнёвой. М., 2000.

Лебедев В. И. Сокращение грамматики латинской, в пользу учащегося латинскому языку российского юношества. СПб., 1746.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л., 1952.

Словарь русского языка XVIII века / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. СПб., 1984. Вып. 1– (СлРЯ XVIII в.).

Теплов В. Е. Новая французская грамматика, сочиненная вопросами и ответами. СПб., 1752.

Шванвиц М. Немецкая грамматика, из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана. СПб., 1730.

Шванвиц М. Немецкая грамматика, собранная прежде из разных авторов, а ныне для употребления Санктпетербургской гимназии вновь пересмотренная. СПб., 1745.

Мать и мать отечества:

номинации Екатерины I и Елизаветы Петровны в проповедях Елизаветинской эпохи¹

Е. И. Кислова

Проповедь, XVIII век, история понятий

Summary. The report addresses the use of the word *мать* (mother) applied to the Russian expresses on the basis of 18th century sermons; the creation and evolution of the notion “Mother of Fatherland” is considered.

В эпоху правления женщин-императриц в проповедях и панегирических текстах закрепляется в виде устойчивого выражения титул *мать / мать отечества*. В докладе на материале проповедей XVIII в. будет рассмотрено функционирование номинаций *мать* и *мать отечества* применительно к действующим императрицам, в первую очередь — к императрицам, находившимся в отношениях «мать — дочь», т. е. Екатерине I и Елизавете Петровне.

В проповедях 1720-х гг., при жизни Петра, материнство Екатерины упоминается крайне редко, она в основном выступает как идеальная супруга и соратница Петра. Редкий пример — в проповеди Гавриила Бужинского 1718 г., в которой Екатерина сравнивается с Цибелой, *яже благополучием чрева своего, елико на небеси и на земли боги суть, вся роди, и от нея во вес мир боги и богини произидоша; аще, глаголюю, леть есть фабулу правде сравнити, без усумнения тя сицевую, Благочестивейшая Государыня, именовати леть есть, яже благополучием чрева твоего не токмо Россискую прославивши землю, но и инныя Европеевския твоим рождением имут похвалятися страны.*

В проповедях Гавриила Бужинского, Феофана Прокоповича, Феофилакта Лопатинского после 1725 г. «физическое материнство» Екатерины не упоминается, т. к. быть матерью детей Петра для действующей императрицы становится менее важным, нежели быть матерью отечества («метафизическое материнство»), например: *милостивейшая и самодержавнейшая государыня наша, великая героиня, и монархиня, и мать всероссийская!.. Владетельское благоразумие и матернее благоутробие, и природою тебе от бога данное, кому не известно! (Феофан Прокопович, Слово на погребение Петра, 1725); За такую твою матернюю благоутробную бодрость, воздати тебе, ниже желати ино что можем... (Феофилакт Лопатинский, Слово 1725 г.)*

Лексема *благоутробие*, *благоутробный* не случайно возникает у разных проповедников — оно «обозначает чувства женщины к плоду своего чрева..., людей к своим чадам или к своим близким... и в особенности чувства самого Бога к

своим созданиям» («Словарь библейского богословия»). Таким образом, милосердие Екатерины связывается с ее физическим материнством, качествами матери. Номинации, связанные с метафизическим материнством, в проповедях 1740-х полностью переходят к Елизавете, однако *матернее благоутробие* Екатерины не могло быть использовано без изменений применительно к незамужней и официально бездетной императрице: *благоутробие* и *благоутробный* перестает соотноситься с материнством, становясь в ряд слов, обозначающих *милость* и *милосердие*, и постепенно уходит из проповедей, сохраняясь как реликт только у Маркелла Родышевского — современника Феофана Прокоповича, причем даже для него благоутробие становится гендерно-универсальным признаком: *поревновала господу своему благоутробнейшему <...> Сице и верная и благопослушная министрка его преславная и достослышанная кроткая милостивая и всеблагоутробная сотворила (Маркелл Родышевский, слово на присутствие, март 1742); якоже и самой zde предстоящей преславнейшей монархине нашей, кроткой, незлобивой, милостивейшей, благоутробнейшей всем состародательной, и самому правилу веры настояще-му, и кротости образу суцей (Маркелл Родышевский, Слово при присутствии, июнь 1742).*

Мать и мать, наоборот, употребляются крайне часто, однако ассоциируется исключительно с материнством по отношению к России и народу, например: *О чуднейшаго божия о тебе промышления, Государыня наша, или паче Матерь наша Всемилостивейшая. (Стефан Калиновский, Слово краткое, 1742); царствует над нами истинная мать отечества <...> да будет всегда яко мать о чадах, о людех своих веселящаяся (Димитрий Сеченов, Слово на благовещение, 1742).*

Таким образом, после смерти Петра сама номинация *мать* применительно к женщине-императрице теряет свои «человеческие» качества и употребляется почти исключительно «метафизически», в контексте *Мать отечества* (в пару к «Отцу отечества»).

¹ Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (номер гранта МК-1256.2011.6).